

УДК 330.3

О СТРАТЕГИЯХ РОСТА РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

П.А. Минакир

Минакир Павел Александрович – академик РАН, доктор экономических наук, профессор, директор. Институт экономических исследований ДВО РАН, ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск, Россия, 680042. E-mail: minakir@ecrin.ru.

Обсуждаются две альтернативные стратегии роста российской экономики, представленные на заседании президиума Экономического совета при Президенте РФ. Стратегия С. Глазьева – Б. Титова (Стольпинский клуб) предполагает увеличение денежного предложения, умеренную инфляцию и рост расходов бюджета при снижении налогов. Стратегия А. Кудрина (Центр стратегических разработок) основана на ограничении денежного предложения, жестком контроле инфляции, снижении расходов бюджета и повышении налогов. Предлагаемые стратегии согласуются в неприятии роста доходов населения, особенно заработной платы, и в необходимости проведения институциональных реформ с разными акцентами (реформы экономического регулирования в первом случае и реформы государственного управления – во втором).

Стратегия, концепция роста, регулятор, макроэкономическая политика, шоки, кризис, компенсаторы, Россия.

DOI: 10.14530/se.2016.2.158-167

Осенью 2015 г. автор отмечал, что «казенный пессимизм» в официальной оценке результатов государственной экономической политики сменился «казенным оптимизмом». Обещания скорого краха (экономики, а не творцов этой самой политики) сменились на бодрые предсказания регулируемого (этими же творцами) самовосстановления и экономики, и доходов [6]. Что, конечно, потребует терпения, жертв (вряд ли от «творцов») и твердости в дальнейшем реформировании экономики и общественного устройства (не следует путать с политическим устройством). Эта смена жанров (от трагедии к драме) породила интенсивную экспертную деятельность по ее политическому и интеллектуальному оформлению.

Уже в октябре 2015 г. вполне оформилась «оппозиция» в области государственной макроэкономической политики, возглавлявшаяся С. Глазьевым и представителями «крупного и среднего бизнеса», интересы которого выражает, в частности, Б. Титов. Был опубликован доклад Стольпинского

клуба [12], который является «штабом» этой оппозиции. А в 2016 г. состоялось пришествие в околоофициальную экспертно-аналитическую среду А. Кудрина, возглавившего Центр стратегических разработок. Конечно, формально ни Столыпинский клуб, ни Центр стратегических разработок не являются официальными центрами принятия решений и даже не имеют полномочий по выработке официальной экономической политики. Но наличие в их руководстве формальных и неформальных влиятельных фигур, приближенных к президенту, а также тяготение к тому или иному экспертному полюсу ключевых игроков экономического блока правительства и администрации президента (А. Белоусова, Э. Набиулиной, А. Улюкаева, А. Силуанова) делают вполне обоснованным предположение о том, что именно на этих экспертных площадках концентрируются усилия по выработке новой стратегии экономического развития. Причем на каждой из этих площадок формируется собственное представление о стратегии действий.

25 мая 2016 г. состоялось заседание президиума Экономического совета при Президенте РФ, на котором эти альтернативные стратегии должны были в «очном сражении» выявить победителя, дать ответ на главный вопрос: что делать и как жить? Правда, посыл перед началом дискуссии оказался неожиданным: «...сам по себе экономический рост не возобновится. Если мы не найдем новых источников роста, то динамика ВВП будет находиться где-то около нулевой отметки. ...Необходимо одновременно обеспечить увеличение темпов роста отечественной экономики и провести структурные реформы для повышения ее эффективности. Очень важно при этом сохранить макроэкономическую стабильность, не допустить раскочки бюджетно-го дефицита и разгона инфляции» [2].

В этой формулировке содержится сразу два признания.

Во-первых, оказывается, что надежды на действие в российской экономике закономерностей циклического воспроизводства в форме чередования самогенерирующихся фаз экономического цикла [4; 5; 8] напрасны, то есть не следует ожидать проявления действия автоматических компенсаторов. Это очень серьезно. Какими бы длительными и масштабными ни были внутренние или внешние шоки, запускающие переход экономики в фазу кризиса, но по мере их затухания начинают, как правило, «работать» встроенные компенсаторы, которые выводят экономику из этой фазы [4; 5; 8]. Если же утверждается, что без каких-либо специальных воздействий, то есть «антишоков», выход из кризиса невозможен, то, следовательно, внутренние компенсаторы в экономике либо в принципе отсутствуют, что было бы странно, либо системно подавлены, что вполне возможно в результате длительного действия положительных обратных связей в экономике (длительного развития в условиях институциональных ловушек) [9; 10].

Во-вторых, неоднократно корректировавшиеся и потребовавшие больших усилий и затрат антикризисные программы правительства не в состоянии переломить ситуацию в экономике. Необходимы некие стратегические решения, чтобы восстановить экономический рост. В то же время антикризисные программы были направлены на сохранение основ экономической политики, проводившейся в течение последних 15 лет. Следовательно, признается, что данная политика несостоятельна. Собственно говоря, последнее уже давно стало общим местом в экспертном сообществе. Но до сих пор официальная точка зрения заключалась в том, что проблема не в самой политике, а во внешних условиях, которые мешают ее проведению. Но если теперь признается, что проблема все-таки в базовых принципах экономической политики, а само правительство не в состоянии их изменить, логично передать решение вопроса о выборе стратегии, ведущей к экономическому росту, «на аутсорсинг», привлечь альтернативных разработчиков такой стратегии.

Вышеназванные группы и являются такими внешними разработчиками. К чему же сводится предложенный президенту выбор?

Стыльпинский клуб сформулировал 10 «системных» решений, которые приведут к коренному изменению в экономической политике и к восстановлению экономического роста. При этом ожидания от реализации этих нововведений весьма амбициозны – достижение темпа роста экономики России на уровне 110% в год, которые складываются из а) перераспределения экспортных доходов в пользу стимулирования внутреннего спроса, б) выхода бизнеса из тени, в) роста производительности труда и развития высоких технологий, г) импортозамещения, д) инвестиций в жилищное строительство и инфраструктуру [12].

Собственно стратегия видится как увеличение денежного предложения (с 45% доли М2 в ВВП до 80–90%) за счет денежной эмиссии, увеличения размеров государственного долга (внешнего и внутреннего), что должно стимулировать инвестиции и в целом экономический рост, которые, в свою очередь, также станут источниками роста денежного предложения.

Конечно, авторы понимают риски, которые связаны с этим путем, в частности, риски обрушения национальной валюты и инфляции. Но можно согласиться, что экономика – вообще рискованное предприятие, и следует всегда выбирать между высоким риском и большим выигрышем, с одной стороны, и низким риском, но отсутствием какого-либо выигрыша или даже проигрышем, с другой стороны. Важно, конечно, понимать, есть ли при этом в предлагаемой стратегии механизмы компенсации рисков. В докладе Стыльпинского клуба предлагаются некоторые шаги, которые могли бы при определенных условиях сыграть роль таких компенсаторов.

В частности, блокирование перетока дополнительной денежной массы в потребление, использование ее исключительно для финансирования инвестиционных проектов, снижение внутреннего спроса на валюту (взимание платежей по экспорту в валюте, введение налога на покупку валюты и валютные кредиты, увеличение валютного финансирования из резервов ЦБ и Минфина), блокирование инфляции издержек (ограничение темпов роста тарифов темпом роста цен производителей за предыдущие 5 лет и ликвидация перекрестного финансирования), стимулирование роста инвестиций (общее снижение налоговой нагрузки бизнеса на 8 п. п., налоговые зачеты, ускоренная амортизация, регрессия страховых платежей, таможенное стимулирование импорта комплектующих и элементов основного капитала, таможенная защита потребительского рынка), институциональная защита бизнеса (сокращение числа нормативных актов до 50–60% от уровня 2015 г., отмена норм, принятых до 1990 г., упорядочение «проверок», защита от уголовного преследования и пр.) [12].

Следовательно, общий смысл – монетизация экономики, которая дает ресурс для финансирования инвестиций, а стимул для самих инвестиций – налоговые и таможенные преференции, защита внутреннего рынка, изъятие части ренты естественных монополий в пользу «конкурентного бизнеса» и институциональные гарантии безопасности бизнеса со стороны государства. При этом структурная дискриминация в области налоговых и таможенных преференций обеспечит облагораживание структуры экономики в направлении ускоренного инвестирования в «высокотехнологичные отрасли».

Вполне стройная и логичная конструкция, вполне укладывающаяся в логику кейнсианской концепции роста и даже в так называемую концепцию технологических укладов. Есть, пожалуй, только одно сомнение. Важнейшим допущением, при котором эта стройная концепция может быть реализована, допущением, которое приобретает у авторов доклада форму требования, является предположение о том, что фонд потребления не будет увеличиваться, по крайней мере относительно, а еще лучше и в абсолютном выражении (см. выше). Это единственное, что может обеспечить, во-первых, консолидацию всех дополнительных ресурсов, создаваемых в результате монетизации экономики и активизации систем таможенного и бюджетного стимулирования, для нужд инвестирования и развития бизнеса, а во-вторых, консервацию и даже снижение реальной цены труда, то есть удельных издержек производства. Но это означает общее сокращение реальных доходов общества и относительное сокращение внутреннего потребительского спроса. Следовательно, реальной предпосылкой предлагаемой концепции является пресловутая теория самогенерирующегося спроса,

когда в процессе накопления капитала формируется спрос на элементы основного и оборотного капитала за счет увеличения общего объема капитала.

Теоретически все выглядит очень хорошо. В реальности все обстоит хуже. Если инвестиции ориентированы на новейшие в технологическом отношении производства, то и спрос после завершения инвестиционных программ будет создаваться именно в этом секторе. Спрос этот будет подразделяться на конечный и промежуточный спрос. Конечный спрос формируется а) как потребительский спрос на высокотехнологичную продукцию, б) внешний потребительский и промежуточный спрос (возможный экспорт). Для роста внутреннего потребительского спроса на дорогую продукцию нужен рост доходов домашних хозяйств. Но его не предвидится. Ориентироваться на то, что после 1999 г. именно внутренний спрос стимулировал инвестиции, в том числе иностранные, не следует, так как тогда начиная с 2001–2002 гг. (как раз к моменту завершения инвестиционных программ) начался взрывной рост доходов населения. Рост внешнего спроса фактически заблокирован далеко продвинувшимся конкурентным окружением и, во всяком случае, предполагает встроенность отечественных производителей в интернациональные цепочки производства, распределения и потребления. Последнее блокируется санкциями и общим опозданием с выходом на эти рынки, если это и произойдет.

Для роста промежуточного спроса на подобную продукцию необходимо, во-первых, длительное сохранение уровня государственных расходов на вооружение, технологичные отрасли медицины и образования, фундаментальную науку, во-вторых, массивные инвестиции в энергетику, космическую отрасль, телекоммуникации, биоинженерию и т. п. Однако предлагаемая концепция исключает рост расходов на «социалку» и прочие «некоммерческие» забавы. Кроме того, как отмечалось выше, планируется перераспределение ренты от естественных монополий и госкорпораций в пользу отраслей «новой индустриализации». Получается, что особых перспектив для роста промежуточного спроса тоже не просматривается.

Таким образом, впечатляющий своей внешней логичностью, технической изощренностью и сложностью проект прямиком ведет в спросовую ловушку. Последствия этого хорошо известны и в теории, и на практике – вместо монетарного кризиса экономика, вполне вероятно, угодит в объятия классического кризиса перепроизводства капитала.

Вторая предложенная в качестве альтернативы концепция – «концепция Кудрина» [3] – не отличается теоретической изящностью и сложностью конструкции. Зато она основана на хорошо испытанном в практической политике рецепте. Суть ее заключается в реставрации, а точнее ужесточении, проводившейся в бытность А. Кудрина министром финансов РФ жесткой

денежной и бюджетной политики. Смысл этой стратегии в строжайшем соблюдении «бюджетного правила» – тратить ровно столько, сколько имеется доходов в бюджете. Центральное требование – снизить дефицит бюджета до 1% ВВП против нынешних 3,5%, а также продолжать контролировать инфляцию до уровня не более 4–4,5% в год. Вывод прост – увеличение денежного предложения недопустимо. Вливание денег в экономику должно обеспечить восстановление притока иностранных инвестиций, что, по расчетам А. Кудрина, даст прирост порядка 4 трлн руб. инвестиций в год.

А вообще-то источником финансирования инвестиций должны быть собственные средства предприятий, величина которых «достигла 17% ВВП и превысила 90% от номинального объема инвестиций в основной капитал» [3]. Соглашаясь с тем, что половина прироста депозитов объясняется переоценкой их валютной компоненты, идеолог «бюджетного маневра» то ли не замечает, то ли не понимает, что именно это сигнализирует о том, что основная часть депозитов – депозиты получателей валютной выручки. А в концепции Глазьева – Титова, с которой полемизирует А. Кудрин, акцент делается на финансирование инвестиций новых компаний, не входящих в «валютный пул». И следует «логичный» вывод: если раньше норма депозитов в ВВП составляла 17%, а теперь с учетом переоценки валютной части – 35–37%, то можно именно этот прирост направить на финансирование инвестиций. Не делается только последнего логического заключения: если эти деньги сосредоточены в руках основных экспортеров, то нужно придумать, как их изъять и направить в другие «руки». С этой точки зрения оппоненты А. Кудрина логичнее, они прямо указывают, как перераспределить фонды накопления с помощью налоговых и таможенных инструментов. Единственное, что остается непонятным в этой логике, куда пропал учет двукратной девальвации, которая удвоила импортную составляющую инвестиций. Если ее учесть, то мало что останется от 20-процентного прироста инвестиционной компоненты депозитов, на которую так уверенно надеется А. Кудрин.

Обе концепции (Кудрина и Глазьева – Титова) трогательно едины в одном пункте – доходы населения нужно если и не заморозить, то сдерживать изо всех сил, поскольку именно высокая доля заработной платы в ВВП (рост на 5 п. п. за последние 10 лет) привела к снижению прибыли в российской экономике (на те же 5 п. п.) [3]. Безупречно правильная арифметика. Правда, почему это означает необходимость ограничения роста вообще доходов, остается загадкой. Хотя с утверждением о необходимости опережения темпов роста производительности труда по сравнению с темпами роста заработной платы никто и не спорит.

Соответственно, едины эти концепции и в игнорировании угнетения внутреннего потребительского спроса, который и без того превратился из

драйвера экономического роста в основной тормоз. Приведенный ниже рисунок, заимствованный из статьи М. Ершова и соавторов [1, с. 21], хорошо иллюстрирует роль внутреннего спроса в динамике ВВП.

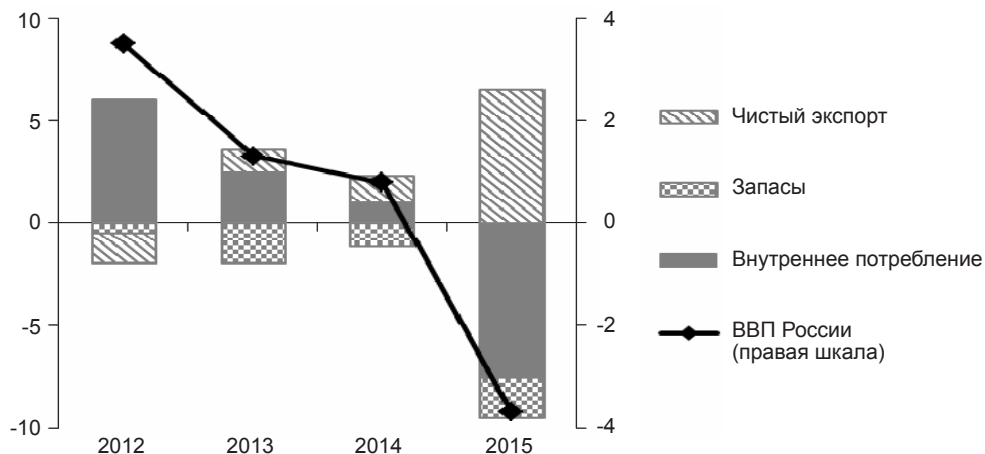

Рис. 1. Вклад основных факторов в динамику ВВП в РФ, %

Источник: [1].

Таким образом, предложены две взаимоисключающие с точки зрения логики действий и инструментария регулирования стратегии поведения регулятора: 1) увеличение денежного предложения, умеренная инфляция и рост расходов бюджета при снижении налогов, 2) ограничение денежного предложения, жесткий контроль инфляции, снижение расходов бюджета и повышение налогов.

Согласуются они в неприятии роста доходов населения и особенно заработной платы и в необходимости проведения институциональных реформ, акценты в последнем случае, правда, стратегии делают разные (реформы экономического регулирования в случае концепции Глазьева – Титова и реформы государственного управления для концепции А. Кудрина). Относительно институциональных реформ, особенно реформы институтов экономической политики и регулирования, автор полностью солидарен с изложенными стратегиями [7].

Нужно заметить только следующее. Осуществление масштабных и кардинальных (особенно в случае концепции Глазьева – Титова) институциональных и организационных реформ предполагает более или менее однозначную уверенность в том, что лежащая в основе концепция экономической политики и регулирования сама по себе, если и не гарантированно, то с высокой долей вероятности, обеспечивает экономический успех, кото-

рый единственно может быть как оправданием, так и ресурсом для институциональных реформ. А вот с гарантиями и уверенностью, как отмечалось выше, есть большие проблемы. Ни одна из предложенных реформ их не обеспечивает. Соответственно, главной проблемой является то, что не существует иных моделей или же модели, синтезирующей сильные и блокирующей слабые стороны предлагаемых политик.

Поэтому вряд ли следует удивляться единственно разумному в этих условиях решению, принятому по итогам заседания президиума Экономического совета при Президенте РФ, точнее отсутствию какого-либо решения. Уклонение от предпочтения в данном случае является вполне адекватным поведением. Тем более, что со стороны правительства немедленно последовало идеологическое подкрепление такого решения.

В бюллетене департамента исследований и прогнозирования Банка России рапортуется о том, что в апреле инфляция в России стабилизировалась, а экономика приблизилась к точке начала восстановительного роста. Более того, в ближайшие месяцы в случае отсутствия внешних шоков российская экономика может выйти на траекторию медленного роста. Поддержку положительному тренду оказали отрасли, ориентированные на производство и потребление внутри страны (сфера услуг). Да и инфляционная политика Центрального банка дает результаты: «Потребительская инфляция постепенно закрепляется на траектории, ведущей к 6,5% по итогам этого года и 4% по итогам 2017 года. ...Требуется дальнейшее ослабление инфляционного давления и снижение инфляционных ожиданий» [11].

То есть все идет хорошо. Нужно только подождать. Действительно, почему бы не подождать, пока экономика окончательно не смирится с невозможностью преодолеть «денежный голод», найти «спрос без потребителя», инвестировать без технологий и т. д.? Ведь «смирная» экономика не продуцирует инфляцию и не требует большой активности от государства, которое может и далее концентрироваться на изобретении все новых форм отчетности, контролирующих удавок, «дорожных карт», стратегий чудесного преобразования и прочих столь же приятных, сколь и безопасных для установленного институционального порядка занятий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ершов М., Татузов В., Лупандина О.* Укрепление рубля как фактор восстановления экономического роста и противодействия инфляции // *Российский экономический журнал.* 2016. № 1. С. 16–31.
2. Заседание президиума Экономического совета. URL: <http://kremlin.ru/events/councils/by-council/32/51996> (дата обращения: май 2016).

3. Кудрин А.Л. Об источниках экономического роста (в перспективе до 2025 г.): тезисы доклада, представленные на заседании президиума Экономического совета 25 мая 2016 г. URL: <http://akudrin.ru/news> (дата обращения: май 2016).

4. Минакир П.А. К вопросу о теории экономических циклов и кризисов // Журнал экономической теории. 2009. № 2. С. 5–14.

5. Минакир П.А. Мировой кризис: национальные и региональные реакции // Пространственная экономика. 2010. № 1. С. 6–25.

6. Минакир П.А. Простые рецепты в сложной игре // Пространственная экономика. 2015. № 3. С. 7–15. DOI: 10.14530/se.2015.3.007-015.

7. Минакир П.А. Шоки и институты: парадоксы российского кризиса // Пространственная экономика. 2016. № 1. С. 7–13. DOI: 10.14530/se.2016.1.007-013.

8. Минакир П.А., Горюнов А.П. Мировой экономический кризис: теоретические и прикладные аспекты // Вестник Дальневосточного отделения РАН. 2009. № 4. С. 130–146.

9. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 190 с.

10. Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. № 2. С. 3–20.

11. ЦБ: экономика может выйти на траекторию роста в ближайшие месяцы / ИА «Банки.ру». 2016. 30 мая. URL: <http://www.banki.ru/news/lenta/?id=8950254> (дата обращения: май 2016).

12. Экономика роста: доклад / Столыпинский клуб. URL: http://expert.ru/data/public/499741/499785/dir-polnaya-versiya-19_10_15.pdf (дата обращения: май 2016).

ON THE GROWTH STRATEGIES OF THE RUSSIAN ECONOMY

P.A. Minakir

Minakir Pavel Aleksandrovich – Academician, Doctor of Economics, Professor, Director. Economic Research Institute FEB RAS, 153 Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, Russia, 680042. E-mail: minakir@ecrin.ru.

The author discusses two alternative growth strategies of the Russian economy provided at a Presidium meeting of the Economic Council under the Russian President. The first strategy by S. Glazyev and B. Titov (Stolypin's club) suggests an increase of money supply, moderate inflation and rising budget expenditures with a simultaneous lowering of taxation. The second strategy by A. Kudrin (Center for Strategic Research) is based on restricting the money supply, tight control of inflation, reduction of budget expenditures and tax increases. The proposed strategies coincide in opposing the growth of incomes, especially wages, and the need for institutional reforms with different emphases (reforms of economic regulation in the former case and administrative reforms in the latter).

Keywords: strategy, growth concept, regulator, macroeconomic policy, shocks, crisis, compensators, Russia.

REFERENCES

1. Yershov M.V., Tatuzov V.Yu., Lupandina O.A. Rouble Strengthening as a Factor of Economic Recovery and Resistance to Inflation. *Rosyyskiy Ekonomicheskiy Zhurnal – Russian Economics Journal*, 2016, no. 1, pp. 16–31. (In Russian).
2. *Meeting of the Presidium of the Economic Council*. Available at: <http://kremlin.ru/events/councils/by-council/32/51996> (accessed May 2016). (In Russian).
3. Kudrin A.L. *About the Sources of Economic Growth (in the Prospect of 2025)*. Available at: <http://akudrin.ru/news> (accessed May 2016). (In Russian).
4. Minakir P.A. By the Question on Theory of Economic Cycles and Crises. *Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii* [Journal of Economic Theory], 2009, no. 2, pp. 5–14. (In Russian).
5. Minakir P.A. The World Crisis: National and Regional Responses. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2010, no. 1, pp. 6–25. (In Russian).
6. Minakir P.A. Simple Strategies in a Challenging Game. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2015, no. 3, pp. 7–15. DOI: 10.14530/se.2015.3.007-015. (In Russian).
7. Minakir P.A. Shocks and Institutions: The Paradoxes of Russian Crisis. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2016, no. 1, pp. 7–13. DOI: 10.14530/se.2016.1.007-013. (In Russian).
8. Minakir P.A., Goryunov A.P. Global Economic Crisis: Theoretical and Applied Issues. *Vestnik Dalnevostochnogo Otdeleniya Rossiyskoy Akademii Nauk – Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2009, no. 4, pp. 130–146. (In Russian).
9. North D.C. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Moscow, 1997, 190 p. (In Russian).
10. Polterovich V.M. Institutional Traps and Economic Reforms. *Ekonomika i Matematicheskie Metody* [Economics and Mathematical Methods], 1999, vol. 35, no. 2, pp. 3–20. (In Russian).
11. *Central Bank: Economy can Reach the Growth Path in the Coming Months*. News Agency «Banks.ru», 2016, 30 May. Available at: <http://www.banki.ru/news/lenta/?id=8950254> (accessed May 2016). (In Russian).
12. *Economy Growth: Report*. Stolypinsky Club. Available at: http://expert.ru/data/public/499741/499785/dir-polnaya-versiya-19_10_15.pdf (accessed May 2016). (In Russian).